

Ян Ку / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Ян Ку / рассказ ЯН КУ

1.

Часто мне кажется – в небе словно бы плавают камеры-невидимки. И куда бы мы ни направились, они постоянно следуют за нами.

В миг пробуждения Ян Цзи ощутил какую-то тяжесть, давящую сверху. Он повернул голову налево, потом направо, затем изловчился заглянуть за плечо и осознал, что вместо него на кровати лежит не человек, а черепаха.

«Интересно, что устроит моя жена, когда на кровати узрит в постели пресмыкающееся? – думал Ян Цзи. – Перво-наперво, наверное, заорёт. Потом спрыгнет на пол и примется звать меня. Но так и не дождавшись, наденет чёрные перчатки, с отвращением подцепит за панцирь и вышвырнет во двор. Нет, прежде чем вышвыривать, она позовёт Шона и Синя и учинит им допрос...»

Всё так и произошло. Ли завопила, запричитала, срочно вызвала детей и, угрожая потрясая пальцем, потребовала разъяснений. Младшенький, Синь, пришёл в восторг при виде черепахи и затараторил:

– Мамоцка Ли, у тебя тлеть либёнок лодился? Мальчик или девочка? Ты же говорила сто девочку хоцис после двух мальчиков.

У Шона тоже глаза горели, но он был старше и понимал, что несчастную Ли всю трясёт от страха.

– Мамочка Ли, клянусь тобой, и папочкой, и Синем, я не знаю, откуда появилась эта черепаха!

Так чистосердечно, с таким искренним изумлением произнёс ребёнок эти слова, что Ли должна была признать: здоровый смысл восторжествовал над её решением надавать своим чадам увесистых тумаков, и она вновь завизжала:

– Если вы сейчас же мне не скажете, где нашли эту черепаху, я запру вас на целый день в чулане без всяких игрушек, и на

озеро вы шагую не ступите!

Вот тебе раз! Шон и Синь так ждали этого дня, отец обещал повести их на озеро порыбачить, и удочку они новую купили в зоомагазине, и полную банку дождевых червей ...

– Целвяцки ведь лыбок здут... Они с лыбками поплавать хотят! – в недоумении застыл Синь.

– Глупышка Синь, сколько раз я должна тебе объяснять, что рыбы сразу слопают червей, и поплавать им не придётся!

– Ницего им лыбки не сделают – смотли, какие длинные целвяцки, они лыбкам в лотик не влезут! – скороговоркой аргументировал Синь свой довод, для убедительности растягивая пальцы – во-о-т они, мол, какие здоровенные.

– Ой, умора! Да такой длины не червячки уже, а змеи целые, – расхохотался Шон.

– Прекратить сейчас же! – потеряв всякое терпение, затопала ногами Ли и дёрнула Шона за чубчик, – говори, где нашёл черепаху?!

– Мамочка Ли, клянусь папочкой Янем... – Шон глубоко вздохнул, готовясь прибавить к семейному списку ещё и двоюродных братьев и сестёр, но не успел, потому что Ли вбежала в свою комнату.

«Сейчас вернётся и вышвырнет меня во двор. Хоть бы дар речи обрести, чтобы объясниться. Сказать – это я, твой муж, которого ты так любишь!.. – горестно покачивая головой, размышлял Ян Ку [1].- Эх, жизнь моя былая, никогда я так страстно не жаждал пить из чаши твоей, полной сладости и горечи... О, моя прекрасная Ли, как неистово желаю обнять тебя, прижать к груди... О, мои милые дети, неужто отныне судьба мне – втянувши в панцирь хвост, лишь издали любоваться вашими взглядами, ловить обрывки ваших слов, следить за оттенками грусти на лицах ваших?! Сыновья, сыновья вы мои кудрявые, как же я пойду с вами на рыбалку...»

В спальню вернулась Ли, с лицом мрачнее тучи, в чёрных перчатках, с отвращением посмотрела на ползущую по простыне черепаху, осторожно подцепила её за панцирь и вышвырнула в открытое окно.

(Все мизансцены в рассказе строятся вокруг превращения Ян Цзи

в Ян Ку, хотя, в отличие от читателей, персонажи ничего об этом не знают. Камера движется и фиксирует всё происходящее после исчезновения Ян Цзи).

2.

Шон и Синь до самого вечера сидели взаперти на полу в чулане и разрабатывали план действий.

– А плавда, поцему мамочка Ли нас наказала, мы же сказали, что не тасчили домой эту целепаху. А она такая миласка, плавда, Сон? Сон, а ты не одманываес, мозет, ты её тихо подлозил?

– Дурачок ты, Синь, с чего бы это мне сейчас её подкладывать, когда на рыбалку пора собираться? Другого времени не мог я выбрать, что ли, или черепахи вокруг перевелись?

– А кто тогда её притасцил, папоцка, сто ли? А где нас папоцка, навелно, ласселдился и без нас усол на лыбалку...

– Эх ты, глупышка Синь, не лежит у папочки душа к рыбалке. Знаешь ведь, жалко ему рыбок пойманных, он же сколько раз говорил – рыбки тоже жить хотят. Не помнишь разве, как он предлагал вместо озера в цирк нас сводить или в детский кинотеатр... И сколько мы к нему приставали, пока, наконец, своего не добились?

– А куда он девался, сегодня ведь выходной...

– Куда, куда, на – ра – бо – ту! – выбивая слова, изрёк Шон. – Папочка и в выходные много работает, сам знаешь... Когда я вырасту, работать буду очень мало, потому что кто много трудится, тот и в выходные ходит на работу. Вот, сосед наш, дядя Ву, и в будни пропускает службу, а в выходные и вовсе на рыбалке пропадает. Вчера, видел, сколько корзин, полных рыбой, домой затаскивал?

– Ой, как я хотел на озеле с лыбками поплавать. Не только я, целвяцки тозе хотели...

– Синь, по-моему, я что-то придумал... Если мы не покрутим шариками, мамочка Ли ещё долго нас в этом чулане промаринует. Слушай внимательно и запоминай хорошенько, что я скажу. Сейчас я постучу в двери и скажу мамочке, что нашёл черепаху во дворе. Потом будто бы мы с тобой решили пошутить и подложили

под одеяло черепаху. Мы и не думали пугать мамочку, только пошутить хотели, слышишь? Мамочка Ли спросит у тебя, так ли всё было И ты должен подтвердить. Только чтоб пикнуть лишнего не смел, а то заврёшься! А если мамочка спросит, где мы нашли черепаху, отвечай, что Шон нашёл и домой принёс, понятно?

Синь кивнул головой, и братья заколотили кулаками в двери. План Шона с успехом воплощался в жизнь, и, выслушав от обоих братьев извинения «от всего сердца», Ли выпустила их из-под домашнего ареста. Братья испросили разрешения выйти во двор и, не успев его получить, ринулись из комнаты сломя голову туда, где, по их расчётам, должна была валяться выброшенная черепаха. Долго искать её не пришлось – опрокинутая на спинку, она беспомощно шевелила лапками в воздухе. Первым делом братья перевернули бедняжку животиком на песок.

– Намучилась... – сказал Шон. – Целый день почти так пролежала под солнцем палящим. Поди, раскалилась вся в этом пекле.

Ян Ку вытянул шею как можно дальше и в знак благодарности потёрся головкой о ногу сына.

– Ты только погляди, Синь, она мне спасибо говорит! Животные лучше людей нас понимают!

– Шон, если б мы не совлали, сто насли челепаху, и сейчас бы сидели в цулане, да? – глаза у Синя блестели восторгом от находчивости брата и успешно проведённой операции по спасению черепахи. – Сколо папоцка плидёт, и мы покажем ему челепаху, а потом целепаску повезём на лыбалку. Сон, смотли, какими глазёнками она на нас смотлит... Она с нами хоцит.

Ян Ку бросил исполненный раскаяния взгляд на сыновей. Из открытого окна он слышал, как мальчики взяли вину на себя, ни на йоту не будучи причастными к этой истории. «Чтоб мне провалиться, дети мои! – думал Ян Ку. – Как же поведу я вас на рыбалку...»

(Это не сценарий и не киноповесть. Камера передвигается по разным направлениям и выхватывает персонажей рассказа передним или крупным планом.)

Прошло порядком времени с тех пор, как встревоженная Ли сообщила об исчезновении Яня наперебой всем: друзьям и близким, сотрудникам и в полицию. Она часами неподвижно просиживала в любимом кресле Яня, куря сигарету за сигаретой. А в тот день заглянула её навестить ближайшая подруга Сю. Когда бутылка виски опустела, Ли потянуло на откровенный разговор.

– Странный сон я видела вчера, – перейдя на таинственный шёпот, – начала Ли. – Будто бы черепаха, та, что меня перепугала, превратилась в Яня. И он мне говорил – видишь, в твоих словах заключена была колдовская сила... Помнишь, как ты меня пилила – мы, мол, черепашьими шагами по жизни идем, вот и превратился я в настоящую черепаху...

– Да брось ты, можно ли верить снам! Если я расскажу, что снится мне по ночам, ты со мной и знаться не захочешь, – хохотнула Сю.

– Отчего же, ну-ка давай, выкладывай! – ухватила за ниточку Ли.

– Ох, что тебе сказать, я же – чистой воды куртизанка. Сегодня с одним кобелём в постели, завтра – с другим, – с театральным пафосом продекламировала Сю.

– Ну, в этом ты не оригинальна, в нашем возрасте, сама знаешь, в сорок пять баба ягодка опять, с кем не бывает. Да и я сама не без греха, – тоном, каким говорят о погоде, чтобы заполнить повисшую в воздухе паузу, – обронила Ли.

– Ничего нового о Яне не слышно? – спросила Сю, не ожидавшая от Ли столь краткой и прохладной реплики на подобную щекотливую тему и не сумевшая скрыть удивления.

– Знаешь, я в последнее время всё думаю о том, как мы не ценим, как пренебрегаем такими дарами, как глаза, руки, красота телесная... И не обращаем внимания, что никакой нашей заслуги в обретении этих даров нет. – продолжала Ли свою мысль, будто и не слыша вопроса. – Вот представь себе, что ты слепа, но внезапно глаза твои прозрели... Ведь какое это неописуемое счастье, как возрадоваться должен человек, не прошедший путями незрячего, не ощутивший на себе тяжесть этого испытания... А я и есть тот слепец, имевший глаза, но не

видевший. Янь всегда был неамбициозным. бесконфликтным, во всём со мной соглашался. Я уж и не упомяну, когда мы в последний раз о чём-то спорили... Я так привыкла, что он всегда рядом, принимала как должное, словно бы вещь нужная лежит под рукой, и её как бы не замечаешь... Но вот в один прекрасный день видишь вдруг, что вещи этой под рукой нет, и начинаешь испытывать дискомфорт... Меняется каждодневный ритм, с утра пораньше теперь изволь сама собирать детей и в школу, и в садик; кофе начну заваривать – так вместо двух ложек одну насыпаю, рука привычно ставит на поднос две чашечки, но одну, поколебавшись, возвращаю на полку... И от детей теперь не так-то легко отделаться, привычным: папу спроси, папа объяснит... И по всему дому теперь не бросается в глаза разбросанная им как попало одежда... И синяя зубная щётка высохла... И перед сном я откидываю только свою половину покрывала... Это, может, и мелочи, но они ещё резче подчёркивают моё одиночество... Не знаю, как бы яснее выразиться, но исчезновение Яня как-то сразу перекосило плавное течение нашей жизни... Раньше жила – словно ничего и не происходит вокруг тебя, дни проходят – друг от друга и не отличить: одни и те же лица, одни и те же повседневные заботы, и вдруг приходит осознание – насколько тебе это всё дорого... И неужели для того, чтобы прийти к такому заключению, нужна жертва, неужели люди потеряли чувство благодарности к каждому прожитому дню, неужели утратили способность видеть в каждом из них нечто важное и дорогое, наслаждаться ими, неужели эти дни, похожие, как две капли воды, не таят в себе чего-то большего, чем нам представляется... И ведь большая часть нашей жизни состоит именно из таких дней. Именно в них рождается нечто особенное, значительное...

Заполненная табачным дымом комната колыхалась вместе с Ли, как корабль, уходящий за горизонт...

(Эта часть рассказа открывается крупным планом. В поле обзора – комната и две женщины. Камера медленно движется в направлении женщин, в следующем кадре видно только лицо Ли, произносящей свой монолог.)

По завершении не в меру перегруженной недели начальник смены и его заместитель потягивали виски в баре. Сегодня был именно тот редкий день, когда начальник смены платил за виски из собственного кармана.

– Миновал уже месяц, а о нашем Яне ни слуху ни духу. Говорил сегодня с его женой, – печально сообщил начальник смены.

– Да-а, – покачал головой заместитель.

– Янь работал много и безропотно, – басистым сиплым голосом продолжал начальник смены, – как только что-нибудь выходило из строя, все вопросы – к нему, и распекал я его чаще других, хоть Янь и был рядовым сотрудником, но ответственности взваливал на себя сверх меры, и с кого мне ещё было спрашивать?.. Смиранным он был, «аки агнец Божий»...

– Да-а, – покачал головой заместитель.

– И он же больше всех хлопотал, суетился, исправлял чужие ошибки, ни разу никого дурным словом не обидел, вот каким был человеком Янь...

– Да-а, – покачал головой заместитель.

– А в последний раз я разнёс его по первое число. Думал, что в ошибке виноват Янь, а выяснилось, что всё дело в небрежности его напарника... И тогда он тоже не возразил... И целый выходной день молча провёл на рабочем месте, исправляя чужую ошибку. Я, когда об этом узнал, собирался принести ему извинения. Да вот прособирался... А потом Янь исчез...

– Да-а, – покачал головой заместитель.

– Я и раньше испытывал желание повиниться перед ним, но Янь никогда не выказывал обиды, я вообще не знаю, он обижался когда-нибудь в жизни?..

– Да-а, – покачал головой заместитель.

– А теперь я как-то, что ни разу, ну ни разу прощения у него не попросил, в конце концов, все в чём-то ошибаются! – прохрипел начальник смены, уставившись на бутылочную наклейку.

(По завершении описанной сцены эти двое мужчин становятся персонажами мультипликационного фильма: начальник смены –

толстяк, с крупным щербатым красным носом; заместитель – лысый и тщедушный, в девять раз меньше начальника...

Впрочем, они по-прежнему сидят в типичном южном баре, пропитанном матерщиной, табачным дымом и запахом спиртного.)

5.

После исчезновения Яня малыш Синь каждое утро приставал к матери и старшему брату – когда же настанет этот «день после завтра», когда же приедет папочка?! Ли и Шон объясняли, что «после» – это день «после завтрашнего дня». А поскольку все последующие дни были «завтрашними», то день «после завтра» каждое утро продлевался до следующего. Поначалу Синь терпеливо ждал этого «дня после завтра», за что Ли была бесконечно благодарна Шону, которому принадлежала эта идея. Но постепенно чаша терпения Синя переполнилась, и в одно прекрасное утро он заявил, что Шон и Ли всё наврали и что «после завтра» никогда не настанет. После чего Синь заперся в одной из комнат, целый день ничего не ел и даже не притронулся к любимым игрушкам. Лишь под вечер он спустился во двор и долго там оставался. Когда же Синь возвратился, Ли, только взглянув на него, вновь истошно завопила: ребёнок нёс на руках черепаху.

– Это мой новый папочка, – с твёрдой решимостью на лице, но при этом очень спокойно произнёс Синь. – Мамочка Ли, ты же не выгонишь его? Он будет жить в моей комнате и есть из моих рук... Ноги у Ли чуть не подкосились. Ей вспомнился сон и перевоплощённый в черепаху Янь. Она бросила отчаянный взгляд на Шона и пробормотала только:

– Хорошо, Синь.

С того дня у Янь Ку открылось второе дыхание. Немое общение с сыновьями стало новым этапом в его жизни. Ему не надо было ходить на работу, да и никаких других семейных обязанностей исполнять не приходилось. У детей начались летние каникулы, и большую часть времени мальчики проводили с ним.

«Поразительно, – думал Янь Ку, – неужели непременно надо было превратиться в черепаху, чтобы увидеть подноготную души моих сыновей... С какой любовью заботятся они обо мне, какое богатое

у них воображение... Вот, скажем, Синь, он совсем ещё крошка и не знает правил игры, соблюдать которые требуют от него взрослые. А потому черепаха для него – и отец, и дитя, это как бы само собой разумеется. Или вот червяки, видишь ли, с рыбками плавать хотят, как и он сам... А Шон... С какой точностью он проникает в суть людей и явлений, как быстро находит эффектный выход из затруднительных ситуаций, какой он смыслённый и сноровистый... А я-то оценивал своего сына по двум ничего не значащим, кем-то накаляканным фразам из школьной анкеты. Какую же чудовищную ошибку совершаем мы, когда втравливаем в их мир какие-то идиотские определения и тыкаем их носом в заштампованные правила поведения. А как же, ведь вся власть в наших руках, мы бездарно размазываем их обозначивающуюся индивидуальность и в результате получаем ребёнка лишённого интересов, агрессивного или замкнутого в себе, который настолько же «хорош» с точки зрения взрослых, насколько послушен и следует «правилам»... Как горько, когда всё это понимает черепаха, а не нечеловек...».

(Камера остановлена, на экране появляются следующие слова: «Почему черепаха? Она резче других противостоит бешеному ритму человеческой жизни, который оставляет разве что клочок пространства для иных деятельности»...)

[1] Ку» по-грузински означает «черепаха». На этом построена игра смыслов в рассказе.

Перевод Инны Кулишовой и Владимира Саришвили.

Об авторе: НЕНЕ ГИОРГАДЗЕ

Родилась в Тбилиси. По образованию филолог. С 1999 года жила в США, с 2011 года живет в Санкт-Петербурге. Публиковалась в России в журналах «Воздух», «Крещатик», «TextOnly», «Полутона» и др.; в США и Европе – «RHINO Poetry», «The Raleigh Review», «Skidrow Penthouse», «Ann Arbor Review», «Turbulence», и др.;

в Грузии – «Горячий шоколад», «Арили», «Ахали саундже», «Апра» и др. Автор книги рассказов на грузинском языке «Треугольник» (2011). Сопереводчик книги стихов Майи Саришвили на английский язык. Участвовала в 10-ом Фестивале новых поэтов в Санкт-Петербурге (2013). Стихи вошли в «Антологию новой грузинской поэзии» (ОГИ, 2014). *Heqayalar*